

I.

Что намъ нужнѣ всего?

(Вступительная бѣсѣда къ урокамъ Закона Божія въ старшемъ классѣ средней школы)

Приступая къ объясненію св. евангелія въ связи съ повтореніемъ катихизиса въ настоящемъ подугодіи, я долженъ обратить ваше вниманіе прежде всего на важность этого курса, конечно, не для одного экзамена, а для жизни, для выработки т. н. міросозерцанія, міропониманія, безъ котораго не обойтись ни одному человѣку. Въ теченіи институтскаго курса вы поставлены въ необходимость изучать многія науки. Одни изъ нихъ касаются внѣшняго міра, т. н. природо-вѣдѣнія, другія—человѣка, его внутренняго духовнаго міра, открывающагося въ его словѣ Исторіи. Но сколько-бы вы ни изучали вселенной, необъятной вселенной и царя ея—человѣка, знаніе это неудовлетворитъ васъ безъ рѣшенія вѣковѣчныхъ вопросовъ о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни. Да и само по себѣ изученіе вселенной необъятно по своему безконечному величію. Даже самые великіе ученые, искренніе и правдивые въ своемъ изученіи кончали обыкновенно признаніемъ ничтожества своего знанія словами знаменитаго древняго греческаго философа Сократа: „я знаю только то, что ничего не знаю“... Смыслъ этого знаменитаго изреченія тотъ, что сколько-бы ни изучалъ человѣкъ вселенной, онъ всегда будетъ сознавать свое ничтожество предъ необъятной вселенной, особенно безъ знанія Бога и Его отношенія къ міру и человѣку.—А какъ важно и необходимо для человѣка религіозное знаніе, знаніе о Богѣ и Его отношенія къ міру и человѣку, именно въ вашемъ, дѣтскомъ возрастѣ, напомнимъ вамъ „Исторію дѣтской души“ повѣсть не для дѣтей, написанную англійской писательницей Маріей Корелли и переведенную покойнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ. (Съ этой книжкой, помнится, я познакомилъ васъ назадъ тому года два). Въ этой повѣсти разсказывается, какъ безбожники, матеріалисты отецъ и профессоръ вздумали воспитывать мальчика безъ религіи и ея знаній, развивали только умъ ребенка, сообщая ему всевозможныя знанія и отдавая ему только одного, Самого важнаго и главнаго знанія, знанія о Богѣ. И вотъ чуткая, отзывчивая на все прекрасное дѣтская душа необыкновенно даровитаго мальчика, всѣмъ существомъ жаждавшая чего-то другого, что отъ него тщательнѣе скрывали, не выдержала и довела мальчика до отчаянія. Онъ смутно ощущалъ всю ложь, всю пустоту и суетность лжеименного человѣческаго знанія безъ знанія Бога, и не вынесъ этой лжи, въ атмосферѣ которой задыхалась его душа, покончилъ съ собой... Замѣчательно письмо мальчика Ліонеля предъ смертію своему профессору. Я

приведу его здѣсь цѣликомъ: „Дорогой профессоръ! Благодарю васъ, что вы полюбили меня! Надѣюсь, что вы не слишкомъ строго осудите меня за то, что я рѣшилъ, что не могу жить такъ... Вѣдь пришлось-бы мнѣ учиться долгіе, долгіе годы, такъ я научился-бы всему тому, что нужно ученому—и я чувствую, что учиться, незная, для чего учиться, я немогу,—это меня только измучило-бы... Понятно, что каждому важнѣе всего узнать хоть что нибудь о Богѣ, но вы ничего не говорили мнѣ о Немъ. Если-бы это было объяснено, была-бы цѣль стараться быть и умнымъ и добрымъ, а такъ право, трудиться не стоить—выходитъ лишь напрасная трата времени... Мнѣ страшно какъ-то слышать, что есть только матерія, бездушный Атомъ—которому все равно, что ни совершается въ мірѣ... Я не хочу этому вѣрить... и я хочу теперь пойти къ Богу—Онъ объяснитъ мнѣ все то, что здѣсь никто мнѣ объяснить не хочетъ—меня не удивитъ, если я нынче-же найду Его! потому что вотъ въ эту самую минуту я такъ чувствую близость Его. Я все старался увидѣть при слабомъ свѣтѣ своего маленькаго свѣтильника, но теперь мнѣ думается, что лучше совсѣмъ его потушить,—свѣтъ Божій самъ всепросвѣтитъ...

Вы знаете, дорогой профессоръ, что учебныя книги, которыя мы вмѣстѣ изучали, всѣ полны противорѣчія—однѣ утверждаютъ одно, другія другое, третьи—и то и другое опровергаютъ, такъ что приходится, смущаясь всякими глупыми, нелѣпыми доводами, до безконечности мучить себя, никогда не достигая того, чего жаждешь—понятія о Богѣ... а я, вѣдь, оттого хочу идти къ Немю, что чувствую, что Онъ есть.. Вы не совсѣмъ также увѣрены, что Бога нѣтъ—а если Онъ есть—и живетъ Онъ въ дивномъ Своемъ селеніи и душа наша живая послѣ смерти, какъ ангелъ, отлетаетъ къ Немю, я теперь сталь-бы тамъ васъ ожидать и былъ-бы такъ радъ васъ видѣть опять...

Если будете опять учить маленькихъ мальчиковъ, мнѣ кажется, всего лучше было-бы вамъ научить ихъ *вѣровать въ Бога*, Который всѣхъ создалъ и всѣхъ любить и Самъ откроетъ намъ въ свое время великую тайну творенія—тогда насколько-же радостнѣе жилось-бы имъ! Сдѣлайте же это! Ради меня!“ „Какое чудовищное преступленіе было воспитывать этого ребенка безъ всякаго вѣрованія!“ Пронеслось вдругъ въ головѣ профессора при чтеніи этого письма, и сердце его сжалось до боли. „Да, Ліонель, я это обѣщаю! Я обѣщаю ради тебя, когда мнѣ придется учить другого мальчика, я напередъ обдумаю, не будетъ-ли лучше и разумнѣе сперва довести его до познанія Бога любви, а тамъ самой этой любви поручить его!“ И сколько въ современной намъ жизни, среди ложно образованныхъ отцовъ, матерей, воспитателей встрѣчается подобныхъ учителей, если не полныхъ

атеистовъ безбожниковъ, то совершенно индефферентныхъ къ вопросамъ религіознаго воспитанія молодежи и жертвъ подобнаго воспитанія — Лионелей, насильственно входящихъ изъ этого міра, и, что еще хуже, не для исканія Бога, а такъ съ отчаянія и тоски, безъ религіи, безъ знанія Бога, Котораго такъ жаждетъ душа человѣка и Котораго имъ не даютъ! Эта жажда религіозныхъ знаній всѣхъ душъ человѣческихъ и молодежи въ особенноти прекрасно отгѣнены въ стихотвореніи нѣмецкаго философа-поэта Гейне:

„Ночью надъ берегомъ дивнаго моря
Юноша грустно стоитъ!
Положъ сомнѣнія, съ тоскою на сердцѣ
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
О, разрѣшите мнѣ, что тайна *отъ вѣка*,
Въ чемъ состоитъ *существо* человѣка,
Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ?
Кто тамъ въ надзвѣздномъ мірѣ живетъ!“

Повторяю, юноша Гейне—это все человѣчество. Но думается, не напрасно поэтъ взялъ образъ пытливаго юноши для олицетворенія всего человѣчества; юность больше всякаго другого возраста волнуется именно этими преважными вопросами бытія: что такое „Я“, въ чемъ существо человѣка, откуда онъ приходитъ, куда онъ идетъ! Свойственно, конечно, волноваться этими вопросами и вамъ. Изучая массу словъ въ иностранныхъ языкахъ съ всевозможными отгѣнками ихъ мыслей и значенія, съ правилами конструкторіи или настроенія изъ нихъ рѣчи, или по природовѣдненью массу терминовъ въ обозначеніи, напр., тычинокъ и лепестковъ у каждаго растенія, костей и позвонковъ у каждой рыбы, птицы, животнаго и человѣка, вамъ, думается, не разъ приходитъ въ голову вопросъ Лионеля: да зачѣмъ все это знать безъ знанія отвѣта о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни, о назначеніи ея въ этомъ мірѣ. Недавно предо мною былъ учебникъ природовѣднія Левина, преподавателя Одесской гимназіи, въ 424 страницы. Развернулъ случайно отдѣлъ о безпозвоночныхъ животныхъ, о насѣкомыхъ, о всевозможныхъ пчелкахъ, майскихъ жукахъ, съ указаніемъ ихъ усиковъ, ножекъ, крылышекъ съ специальными терминами на все, и мнѣ стало невыразимо грустно за то, что нѣтъ въ этой книгѣ одного,—что требуется прежде всего, отвѣта на вопросъ: да кто же далъ такое чудное устройство вселенной во всемъ разнообразіи и великолѣпнн существъ, наполняющихъ ее, нѣтъ ни одного слова въ этой книгѣ о Творцѣ вселенной, упоминанія Великаго Художника этой дивной—вселенной мастерской. А вѣдь истинно ученые люди, у которыхъ взяты все эти подробности учебника, входили въ эту мастерскую—вселенную для изученія ея съ благоговѣніемъ къ Художнику—Творцу ея—(Въ свое время, когда у насъ будетъ рѣчь о т. н.

естественномъ откровеніи мы приведемъ имена этихъ ученыхъ и послушаемъ, что говорятъ они о Творцѣ вселенной.) И какъ безконечно жаль намъ стало нашихъ бѣдныхъ мальчиковъ, головы которыхъ наполняются всевозможными терминами, допустимъ даже знаніями, б. м. весьма интересными для ума, но ничего не дающими сердцу безъ упоминанія имени Великаго Художника—Творца вселенной. Не есть-ли эти знанія, безъ знанія Бога, камень, который даютъ дѣтямъ вмѣсто хлѣба. Хотя бы въ предисловіи упомянуто было, въ качествѣ введенія въ курсъ природовѣднія, что либо о Богѣ, Творцѣ вселенной, чтобы удовлетворить пытливый умъ ребенка, дать ему отвѣтъ на вопросъ: да откуда же этотъ дивный чудный міръ, въ которомъ все отъ древеснаго листка до громадныхъ свѣтилъ небесныхъ носить на себѣ печать разумнаго, цѣлесообразнаго устройства.¹⁾ Намъ скажутъ, да—это дѣло законоучителей.—Пѣтъ, отвѣтимъ мы, въ христіанской школѣ не должно быть учителей, которые стыдились-бы упомянуть своимъ ученикамъ о Богѣ, Творцѣ вселенной, о Христѣ Спасителѣ, по имени Котораго мы и называемся христіанами, какъ-бы отгораживаясь отъ о. о. законоучителей, въ религіозно-нравственномъ воздѣйствіи его на учениковъ. Одному законоучителю, какъ-бы онъ ни былъ способенъ вести свое дѣло, не по силамъ будетъ осуществить его. Въ направленіи школы должно быть единство. Не то мірское, холодное и бездушное образованіе, или вѣрнѣе уродство человѣческой жизни, какимъ любить гордиться современная свѣтская школа, должна имѣть школа, а гармоническое и стройное объединеніе всѣхъ духовныхъ способностей и силъ человѣка. А это объединеніе и м. б. дано только въ христіанской религіи. Припомните, сколько возвышенныхъ произведеній въ области музыки, архитектуры, живописи и особенно въ поэзій дала христіанская религія.—Вотъ предо мною въ изданіи „Русской религіозной мысли“ (М. И. Новоселова) прекрасное стихотвореніе А. С. Хомякова, въ которомъ онъ сравниваетъ глубину и необъятность тайнъ св. евангелія съ глубиной и необъятностью звѣзднаго міра... Вотъ стихотвореніе Никитина о благодатной помощи евангелія въ перенесеніи жизненныхъ скорбей... Если-бы свѣтская школа дорожила задачами религіознаго обученія и воспитанія, то названныя и другія подобныя стихотворенія она должна бы давать учащимся прежде всего, предпочитательно предъ другими образцами. А въ области исторіи опять какое глубокое вліяніе имѣло христіанство въ св. евангеліи на цивилизацію міра! Прочтите, напр., въ томъ-же изданіи „русской религіозной

¹⁾ Съ своей стороны рекомендовали-бы составителямъ учебниковъ по природовѣднью въ качествѣ предисловія помѣщать 103 пс. Давида, а о. о. законоучителямъ на урокахъ З. Б. протолировать его по объясненію—профессора Казанскаго въ „Душепол. Чтеніи“ за 1903-й г.

мысли⁴ статью "Евангеліе въ исторіи" изъ лекцій проф. Петрова. Всѣ великіе историческіе дѣятели отличались глубокою религіозностью.. Отмѣчаютъ-ли это на урокахъ исторіи? Къ сожалѣнію, не всегда,

Въ рѣшеніи вопроса о смыслѣ и цѣли чело-вѣческой жизни, современная интеллигенція, оторванная отъ религіи и церкви, пытается иногда отвѣтить на этотъ вопросъ, помимо религіи. „Есть смыслъ въ жизни—въ томъ что сильно, красиво, величественно“! Культъ религіи пытаются замѣнить т. н. эстетическимъ культомъ. Но въ опроверженіе этого взгляда скажемъ кратко словами нашего отечественнаго философа В. С. Соловьева: какой-же смыслъ въ силѣ, величіи и красотѣ здѣсь на землѣ, когда мы видимъ, что конецъ этой силѣ и красотѣ есть смерть и разрушеніе. Нѣтъ, истинная красота, сила и величіе въ томъ, Кто источникъ истины, нравственной красоты и добра, въ Богъ, какъ восторженно и воспѣла объ этомъ благословенная изъ всѣхъ женъ: „Величить душа моя Господа и возрадовалася духъ мой о Богѣ, Спасѣ моемъ“. Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе,—вотъ спасительныя истины Божественнаго откровенія, которыя способны удовлетворить жаждущую душу челоувѣка, наполнить ее свѣтлымъ содержаніемъ въ рѣшеніи вѣковѣчныхъ вопросовъ о смыслѣ и цѣли челоувѣческой жизни. *Изученіе этихъ спасительныхъ истинъ Божественнаго Откровенія, усвоеніе ихъ намъ нужное всего!* Къ этому изученію мы и приступимъ съ вами на урокахъ Закона Божія.. Краугольный камень христіанской философіи—Христосъ-Спаситель, за насъ распятый и воскресшій. О немъ повѣствуетъ намъ св. евангеліе; чтеніе и объясненіе той великой, вѣчной святой книги и должно быть, по моему мнѣнію, положено въ основу обученія Закону Божію. Закончу свою бесѣду трогательными словами св. ап. Павла, которыми заканчивается упоминаемая мною ранѣе повѣсть Маріи Корелли. Похороны (разумѣется безвременно ушедшаго изъ этого міра мальчика Ліонеля). „Такъ и по воскресеніи мертвыхъ, читаль священникъ трогательнымъ голосомъ побѣдныя слова: сѣется въ тлѣніе, возстаетъ въ нетлѣніи.. Когда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово написанное: „Смерть, гдѣ твое жало? Адъ! Гдѣ твоя побѣда?“ Эти строки исповѣданія христіанской вѣры и надежды автора ея (книги) Маріи Корелли я и желалъ-бы начертать и въ Вашихъ сердцахъ. Вы слышите ихъ каждый годъ въ утрени Свѣтлаго Христова Воскресенія въ дивномъ Словѣ Учителя Златоуста...

Саратовъ 6 января.

Священникъ *Сергій Ильменскій.*

БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ. *)

(Изъ побѣдни въ Святую Землю, Египеть и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

О замѣчательномъ происшествіи, бывшемъ при этой колоннѣ въ сказаніи инока Пароенія (часть IV, стр. 10—12) говорится слѣдующее: „Во едино время, когда греки были до конца отягчены турецкимъ игомъ, богатые армяне вздумали вытѣснить грековъ отъ Гроба Господня и изъ Воскресенскаго Храма; собрали великую сумму денегъ и подкупили іерусалимское начальство, увѣряя невѣрныхъ, что святыи свѣтъ сходитъ не ради грековъ, но ради всѣхъ христіанъ, и ежели мы, армяне, будемъ тамъ,—тоже получимъ. Турки сдѣлали по армянской волѣ, и утвердили, чтобы армянамъ однимъ получать св. свѣтъ.

Армяне весьма возрадовались, и писали по всѣмъ землямъ къ своимъ единовѣрцамъ, чтобы шли больше на поклоненіе, что ихъ воля, и сошлось ихъ многое множество. Наступила великая суббота; армяне всѣ взобрались въ храмъ, а грековъ бѣдныхъ турецкое воинство выгнало вонъ. О, какой неизрѣченной горести и скорби исполнились греки! Едино было ихъ утѣшеніе—гробъ Спасителя, и отъ того ихъ отлучили, и св. врата для нихъ затворили! Армяне—внутри церкви, а православные на улицѣ; армяне веселятся, а греки плачутъ!

Православные стояли противъ св. вратъ на площади, а кругомъ стояло турецкое воинство, караулили, чтобы не было бунта. Какъ самъ патріархъ, такъ и всѣ стояли со свѣщами, имѣя надежду хоть отъ армянъ въ окно получить благодать. Но Господь восхотѣлъ другое устроить—показать истинную вѣру Своимъ огненнымъ перстомъ и утѣшить Своихъ истинныхъ рабовъ, смиренныхъ грековъ. Уже пришло время, въ которое сходить благодать, но ея нѣтъ; армяне испугались, начали плакать и просить Бога, что бы имъ послалъ благодать; но Господь не услышалъ ихъ. Уже полчаса прошло и болѣе, а святаго свѣта нѣтъ. День былъ чистый и красный. Патріархъ сдѣлалъ въ правой сторонѣ. Вдругъ ударилъ громъ, и на лѣвой сторонѣ средняя колонна мраморная треснула, и изъ трещины вышелъ огонь пламенемъ. Патріархъ всталъ и зажегъ свои свѣщи, и отъ него зажгли всѣ православные христіане. Тогда всѣ возрадовались и повеселились; а православные арабы отъ радости начали прыгать, и скакать, и кричать: „Ты еси единъ Богъ нашъ Иисусъ Христосъ; едина наша истинная вѣра—православныхъ христіанъ“! И начали бѣгать по всему Іерусалиму, и подняли по всему граду шумъ и крикъ. Они и до днесь творятъ сему память, прыгаютъ и кричатъ кругомъ Божія гроба, хва-

*) Продолженіе, см. № 12 „Сар. Дух. Вѣст.“